

очерченного контекста, будь то «Я помню чудное мгновенье» А.С. Пушкина или стихотворение Б. Пастернака «Никого не будет в доме...», построенных на скрытых или открытых аллюзиях с поэтологией русской Музы.

Литература

Батюшков К.Н., Баратынский Е.А., Вяземский П.А. Стихотворения. Поэмы. М. : Олимп ; АСТ, 1997.

Державин Г.Р. Сочинения: стихотворения, записки, письма / сост. Г. Макогоненко, В. Степанова. Л. : Худож. литература, 1987.

Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 73 – 115.

Жуковский В.А. Певец во стане русских воинов: Стихотворения. Баллады. Поэмы. М. : Эксмо, 2008.

Полонский Я.П. Лирика. Проза / сост., вступит. ст. и ком. В.Г. Фридлянд. М. : Правда, 1984.

Русская поэзия XVIII века: сборник / вступ. ст. и сост. Г. Макогоненко. М. : Худож. литература, 1972.

Сумароков А.П. Избранные произведения. Л. : Совет. писатель, 1957.

Фет А.А. Улыбка красоты : избр. лирика и проза / сост., вступ. ст. Л.А. Озерова. М. : Школа-Пресс, 1995.

УДК 821.161.1-31(Лермонтов М. Ю.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

В.В. Соколов

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ОБРАЗ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения образа автора-повествователя как одной из субъектных форм выражения авторской позиции в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего

времени». Наличие спорных точек зрения в изучении данной проблемы препятствует постижению смысла романа в полном его объеме и одновременно свидетельствует об актуальности избранной темы. Автор статьи полагает, что анализ романа Лермонтова в аспекте проблемы автора может способствовать прояснению и теоретических вопросов, далеких от своего окончательного решения.

Ключевые слова: проблема автора, образ автора, авторская позиция, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» неизменно находился в поле зрения критики, начиная с момента его публикации и вплоть до 90-х гг. XIX века [См.: Лермонтов... 2002: 53 – 292]. Как правило, основное внимание критиков было приковано к образу Печорина, которого рассматривали в качестве героя если не тождественного, то, во всяком случае, близкого автору – создателю романа. Образ автора-повествователя как один из персонажей романа, можно сказать, не был замечен критикой.

Из этого можно сделать вывод о том, что критикой не была понята авторская позиция, особенности ее выражения в романе. Пытаясь разъяснить свою позицию, Лермонтов, переиздавая роман в 1841 году, написал предисловие, в котором прямо указал на недогадливость критики, которая «так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения»: «Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов» [Лермонтов 1962: 5]. Ситуация не изменилась и в последующие десятилетия XIX века: критика, продолжая испытывать «несчастную доверчивость» к «буквальному значению слов», не понимала скрытого смысла романа и позиции автора по отношению к тому, что в нем изображено.

Как известно, роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» состоит из повестей и новелл, что с необходимостью актуализирует постановку проблемы художественного единства романа, которая, в свою очередь, напрямую связана проблемой автора и форм ее выражения в произведении.

Одним из первых на проблему художественного единства лермонтовского романа обратил внимание Б. М. Эйхенбаум. По мнению исследователя, Лермонтов использовал новый прием соединения повестей в единую повествовательную структуру, сделав «Героя нашего времени» «не повестью, не романом, а путевыми записками» [Эйхенбаум 1924: 149]. Как известно, «путевые записки» пишет автор-повествователь. Следовательно, по Эйхенбауму, автор-повествователь, введенный Лермонтовым в роман, является своеобразным связующим звеном между рядом повестей и новелл.

Замечание Б.М. Эйхенбаума относительно «принадлежности повествователя к профессии литератора» [Там же: 295] важно для нас. Не отрицая категорично его отнесенности к офицерскому сословию, исследователь, тем не менее, настаивает на том, что Лермонтов вывел в своем романе представителя именно литературной профессии: ведь мы должны поверить его профессиональной наблюдательности, умению схватывать и описывать человека в его главных характеристических чертах. По мнению Эйхенбаума, «"офицерство" оказалось фактически ненужным для сюжета... Нужным и важным оказалась не военная профессия, а писательская» [Там же: 318].

Вместе с тем Б.М. Эйхенбаум высказал предположение, что образ автора-повествователя – «не обычная литературная мистификация, а сам Лермонтов» [Там же], с чем мы не можем согласиться. С точки зрения исследователя, авторская позиция в романе выражается через три «я»: «автор, Максим Максимыч и Печорин»: эти «"я" оказались необходимыми, потому что иначе пришлось бы сделать автора свидетелем всех событий и тем самым очень ограничить повествовательные возможности» [Там же: 153]. Как видим, у Эйхенбаума нет четкого разграничения между повествователем и создателем романа.

Укажем попутно на одно интересное, с нашей точки зрения, наблюдение Б.М. Эйхенбаума: расширяя «повествовательные возможности», Лермонтов многократно вводит подслушивания и подсматривания, чтобы «рассказчики»

(исследователь чаще всего использует именно этот термин) как будто случайно узнавали о тех или иных событиях.

Вслед за Б.М. Эйхенбаумом, В.В. Набоков полагает, что Лермонтов использует приемы подслушивания и подсматривания в романе для движения сюжета. Вследствие этого, считает писатель, авторская позиция получает в романе наиболее полное выражение. «Автор так последовательно использует данный прием на протяжении всей книги, что читатель уже не воспринимает его как странные капризы случая и едва обращает внимание на эти почти житейские проявления судьбы» [Там же]. Не трудно заметить, что разграничение автора-создателя романа и образа автора-повествователя как персонажа не входило в задачу Набокова.

Л.Я. Гинзбург – автор книги «Творческий путь Лермонтова» – утверждает, что в «Герое нашего времени» «приняты все меры к тому, чтобы спрятать автора» [Гинзбург 1940: 164]. Подмечая особенности речи «"издателя" бумаг Печорина, путешествующего офицера» (которого, как и Эйхенбаум, Гинзбург называет «рассказчиком»), и Максима Максимыча, Гинзбург указывает, что «всякий сказ выражает не речевое сознание автора, объемлющее произведение в целом, но социально-психологическую природу данного персонажа» [Там же: 166].

Л.Я. Гинзбург, определяя границы действия автора и «рассказчика» в романе, справедливо утверждает, что «автор шире своих героев, в частности главного своего героя, и это позволяет ему судить и осудить Печорина в его моральной и социальной (ибо для Лермонтова бедный штабс-капитан – представитель демократического, народного начала) тяжбе с Максимом Максимычем». «Издатель» же записок Печорина, в отличие от Максима Максимыча, существует как «рассказчик не потому, чтобы к нему было прикреплено социально-характерное языковое начало, но для того главным образом, чтобы настоящий автор мог уйти со сцены, воздержаться от непосредственной оценки Печорина» [Там же: 172].

Вместе с тем следует отметить, что Гинзбург усматривает в речи «путешествующего офицера» подлинный голос

биографического автора – самого Лермонтова: «Он ведь явно задуман в духе Белкина – как простой человек, человек здравого смысла и ограниченный своим здравым смыслом... выражающий мысли, которые явно не по плечу "путешествующему офицеру"». Как видим, в отличие от Эйхенбаума, Гинзбург не придает значения литературному дарованию автора-повествователя (или «рассказчика», по терминологии исследовательницы), не считая это важным для понимания авторской позиции.

Вместе с тем Л.Я. Гинзбург говорит о том, что в романе Лермонтова много новшеств в формах выражения авторской позиции: это и «отделение автора от героя», и «автор, скрывающийся за рассказчиками, чтобы оставить за собой право конечных идеологических обобщений» [Там же]. По мнению Гинзбург, разграничение автора и героя было необходимо для более полной передачи характера главного героя, который представлен в романе с разных ракурсов.

Е.Н. Михайлова, как и многие другие исследователи, в работе «Проза Лермонтова» отмечает жанровую специфику романа, в котором повествование развивается в виде «путевых записок». Исследователь утверждает, что «этот жанр, совершеннейший образец которого давало пушкинское "Путешествие в Арзрум", помог Лермонтову найти ту удивительную "естественность рассказа", которую отмечал в "Бэле" Белинский» [Михайлова 1957: 220].

Анализируя кавказские пейзажи в романе Лермонтова, Е.Н. Михайлова, фактически отождествляет автора-повествователя с реальным автором. Исследователь отмечает, что характер пейзажа «мотивируется здесь как принадлежностью их к путевым запискам, так, казалось бы, и личностью автора записок. Но так как характеристика "проезжего офицера", почти не намеченная, не составляет задачи повести (*он в сущности – alter ego Лермонтова*), то и пейзажи почти не окрашиваются какими-либо особенно характерными чертами его личности» [Там же: 224. Курсив наш. – В.С.]. Анализ книги Михайловой позволяет сделать вывод, что проблему автора и авторской позиции в романе

исследователь не считает приоритетной, уделяя основное внимание анализу образа главного героя – Печорина.

К.Н. Григорьян, считая роман Лермонтова романтическим произведением, видит тесную связь автора-творца со своим созданием – Печориным. По мнению исследователя, «автор не судит о нем со стороны, он кровно заинтересован в судьбе героя, и если и чинит суд над Печориным, то чинит суд и над самим собой» [Григорьян 1975: 22]. По мнению Григорьяна, авторская позиция обнаруживается не только в этой близости, но и в окрашивании романа «ярким лиризмом» [Там же: 23]. А это, в свою очередь, полагает исследователь, позволяет говорить об автобиографизме «Героя нашего времени»: «как бы ни скрывался герой то под маской русского витязя, то древнего скальда», то «русского странствующего офицера», в его характере всегда получают отражение «какие-то... важные моменты напряженной трагической жизни поэта, проступают черты психологического автопортрета» [Там же: 177]. За каждой строкой, утверждает литературовед, ощущается присутствие автора.

Вместе с тем Григорьян замечает, что «намерение автора занять нейтральную позицию по отношению к своим героям» подчеркнуто «с первых же страниц романа». Казалось бы, автор демонстрирует «полное равнодушие к судьбе Печорина». Однако это лишь внешняя сторона повествования: «Лермонтов, который выдает себя за объективного наблюдателя, издателя "Журнала Печорина", на самом деле далеко не безразличен к его судьбе» [Там же: 186. Курсив наш. – В.С.].

К.Н. Григорьян справедливо полагает, что «в романе Лермонтова существует второй план, подтекст, который нередко скрыт за внешней стороной повествования» [Там же: 213]. Понимание же всех скрытых в «Герое нашего времени» смыслов, подтекста, по нашему мнению, невозможно без решения проблемы авторской позиции в романе, которая, как видим, не была решена и Григорьяном, отождествлявшим образ «путешествующего офицера» с самим Лермонтовым.

В.В. Виноградов, вводя понятие «образ автора», считает, что он «играет основную роль в композиции "Героя нашего времени"»: с проблемой образа автора «органически связан

вопрос о построении характера» – об образе Печорина [Виноградов 1985: 565]. Виноградов обращает внимание, на то, что «авторское "я" и Максим Максимыч располагаются в одной плоскости по отношению к центральному герою – именно в плоскости внешнего наблюдения. Уже этим обстоятельством в корне нарушались старые законы романтической перспективы. Там образ автора был вечным спутником романтического героя, его двойником. Там стиль авторского повествования и стиль монологов самого героя не разнились заметно. В них отражались два лика одного существа. В стиле Лермонтова авторское "я" ставится в параллель с образом "низкого", т. е. бытового, персонажа» [Там же].

Виноградов акцентирует внимание на объективной точности передачи рассказа Максима Максимыча «путешествующим офицером»: «*автор* не раз наталкивает и наводит рассказчика своими вопросами на новые детали, иронически подчеркивая правдивую точность своих путевых записок, выставляя себя не поэтом, а этнографом-бытописателем; один раз *автор* даже намекает на фонографический протоколизм своей записи: "Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? – Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки: следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле"» [Там же: 573. Курсив наш. – В.С.]. Мы снова видим, что Виноградов, акцентировавший важность проблемы автора в романе, как и писавшие до него исследователи, фактически отождествляет автора-творца и автора – повествователя как персонажа романа, или же, если сказать точнее, это различие не является для него принципиальным.

Проблемы авторской позиции в «Герое нашего времени» касается и В.А. Мануйлов. Говоря о «путевых записках», исследователь поясняет, что «их автор – русский офицер, странствующий "с подорожной по казенной надобности"», который «смотрит на кавказскую природу и кавказский быт глазами русского человека» [Мануйлов 1996: 35]. Кроме того, Мануйлов отмечает, что «путевые записки» «путешествующего офицера» «стилистически продолжают "Путешествие в Арзрум"

Пушкина, опубликованное в 1836 году в "Современнике", как раз незадолго до высылки Лермонтова на Кавказ» [Там же: 34]. Более подробно на образе автора-повествователя исследователь не останавливается.

Продолжая размышление В.А. Мануйлова о «путевых записках» в «Герое нашего времени», Л.С. Мелихова в статье, опубликованной в Лермонтовской энциклопедии, справедливо указывает, что роман не получился бы без особой атмосферы этих записок, «вне резких переходов, смен мыслей и чувств автора, без судьбы его чемодана с путевыми записками, без ярославского мужика и "какого-нибудь" курьера, без осетин, как ни в чем не бывало живущих на дне пропасти... т. е. без непрерывных столкновений и сопоставлений жизненных опытов, впечатлений, точек зрения, без постоянных сопоставлений "моралей" и "философий", наконец, без их интерпретаций» [Мелихова 1981: 541].

Вопрос о «профессиональной» принадлежности «путешествующего по казенной надобности» офицера не является принципиальным для Л.С. Мелиховой, о чем свидетельствует следующее рассуждение: «рассказ *автора* о судьбе романа, как и рассказ о судьбе Печорина и его размышлениях о своей судьбе, развертывается на фоне и судьбы *самого автора*, офицера, писателя, изгнанника» [Там же. Курсив наш. – В.С.]. Снова отмечаем терминологическую неопределенность, следствием которой становится неразграничение автора-создателя романа и одной из субъектных форм выражения его позиции.

В.М. Маркович, рассуждая об авторской позиции в лермонтовском романе, выделяет «основного повествователя» [Маркович 1981: 295], отмечая при этом, что стилистика печоринского «Журнала» в части «Тамани» «неотличима от стилистики текстов "основного" повествователя». Исследователь считает, что читатель «просто может забыть (и как бы забывает) о том, что перед ним не авторский рассказ. В иные моменты (особенно в точках переходов от описаний к действию) герой-рассказчик напоминает о себе». Вследствие этого, по мнению исследователя, «создается лирическая связь

между героем и главным субъектом повествования, закрепляемая очевидным сходством их судеб и черт их психологии» [Там же: 297].

В первом издании романа 1840 года, по мнению Марковича, «лицо, ведущее повествование в "Бэле" и "Максима Максимыче", могло прямо отождествляться с подлинным их создателем: первой фразе "Бэлы" ("Я ехал на перекладных из Тифлиса") предшествовало только заглавие романа с подзаголовком "Сочинение М. Лермонтова"». Предисловие же ко второму изданию романа (1841) «отделило автора (который в нем открыто рекомендовался как создатель портрета, "составленного из пороков всего нашего поколения") от "путешествующего офицера"» [Там же]. Вместе с тем сквозные лирические лейтмотивы романа, с точки зрения Марковича, объединяют автора-повествователя («основного повествователя») и героя-повествователя с биографическим автором. Возникает «лирико-символическое начало», благодаря которому рождаются, по признанию ученого, новые подтексты, углубляющие смысл романа.

Итак, В.М. Маркович различает собственно автора и «путешествующего офицера», обозначая последнего как «основной повествователь». Однако, занятый решением другой задачи – выявлением способов создания «лирико-символического начала», исследователь не уделяет должного внимания «основной», в его понимании, субъектной форме выражения авторской позиции в романе.

В отличие от названных выше исследователей, работы которых мы рассматривали, Б.Т. Удодов в книге «Роман М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"» целую главу посвящает рассмотрению проблемы автора, четко разграничивая биографического автора и персонажей произведения. По мнению ученого, «Лермонтов, стремясь к максимальной "объективированности" во многом близкого ему героя, отделяет его от себя... <...> ... автор как бы уходит "за кулисы" повествования, выдвигая между собой и своим героем неких посредников, которым и поручает повествовательные функции» [Удодов 1989: 114].

Вследствие этого, считает Удодов, в «Герое нашего времени» «повествовательная структура усложняется, она становится многосубъектной» [Там же]. Как известно, субъектами повествования в романе выступают «три персонифицированных “рассказчика”»: «странствующий офицер», штабс-капитан Максим Максимыч и, наконец, главный герой романа – Печорин. Ученый справедливо утверждает, что «благодаря такой организации повествовательной структуры герой романа не предстает перед читателем в прямой авторской подаче, а подается как бы сквозь призму самых различных восприятий, освещается с разных точек зрения...» [Там же: 115].

По мнению Б.Т. Удодова, «внешняя биография Печорина, рассказанная повествователем, представляет собой историю несостоявшейся судьбы яркой, духовно богатой личности, жизнь которой заканчивается “ничем” – бессмысленной смертью на дороге из Персии, в которую неизвестно зачем он ездил. Таково, по сути, содержание “записок”, “автором” которых является офицер-повествователь» [Там же: 132].

Данным «запискам», полагает Б.Т. Удодов, противопоставлены, «записки» самого персонажа. Они не только дополняют «записки» «офицера-повествователя», но и полемизируют с ними. Для понимания смысла романа важно, с нашей точки зрения, следующее заключение Удодова: «... журнал Печорина утверждает в противовес физически конечному, завершённому, совпадающему с собой человеку из записок офицера – человека незавершенного, духовного, непрестанно развивающегося как незавершенное человеческое сознание и самосознание» [Там же].

Можно сделать вывод, что, с точки зрения Удодова, формами выражения авторской позиции Лермонтова в романе «Герой нашего времени» являются: предисловие ко второму изданию романа – объективная точка зрения (где реальный автор-создатель романа объясняет его общий замысел и цель, не давая никаких оценок поступкам главного героя); «офицер-повествователь» – точка зрения постороннего наблюдателя, представленная в его «путевых записках»; «рассказчик-персонаж»

Максим Максимыч – субъективная точка зрения; сам Печорин – герой-повествователь, каким он выступает в своем «Журнале».

Итак, подвергая аналитическому рассмотрению наиболее значимые работы советских литературоведов, посвященные роману Лермонтова, мы обнаружили, что интересующей нас проблеме уделялось недостаточное внимание. Нередко этой проблемы лермонтоведы касались вскользь, решая совсем другие исследовательские задачи. Специальных же исследований, посвященных проблеме автора в романе «Герой нашего времени» в советском лермонтоведении не было. На наш взгляд, такая ситуация связана, прежде всего, с недостаточной теоретической разработанностью проблемы автора в отечественном литературоведении.

Нередко общим местом в работах советских лермонтоведов было отождествление «путешествующего по казенной надобности офицера» (как обычно его называли) с реальным автором или, по крайней мере, признание непринципиальности их разграничения (Б.М. Эйхенбаум, К.Н. Григорьян, Л.С. Мелихова и др.). Однако в большинстве своем литературоведы все-таки сходились во мнении, что суждения «путешествующего офицера» лишь отчасти совпадают с позицией самого писателя, который, стремясь к максимальной объективности, словно «растворён» в тексте произведения (В.М. Маркович, Б.Т. Удодов и др.).

Спорным оказывалось представление о «профессиональной» принадлежности «путешествующего» повествователя: кто он – офицер, сосланный на Кавказ (как считали многие исследователи), или человек пишущий, литератор (как полагал Б.М. Эйхенбаум, придавая этому факту принципиальное значение). В этой связи описание (в «Бэле») переезда через Крестовый перевал, вызывающее в памяти культурного читателя воспоминание о пушкинском «Путешествии в Арзрум» (Б.М. Эйхенбаум, В.А. Мануйлов), способствовало возникновению важных для понимания смысла романа ассоциаций. Однако данное наблюдение не получило в советском лермонтоведении должного обоснования.

Наиболее ценной в интересующем нас аспекте по-прежнему остается книга Б.Т. Удодова, посвященная роману Лермонтова.

Проблема образа автора и форм выражения авторской позиции в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», по нашему мнению, не является актуальной для современных исследователей. Остановимся на тех немногочисленных доступных нам работах, которые имеют отношение к интересующей нас проблеме.

Л.П. Моисеева, касаясь вопроса о проблеме образа автора в «Герое нашего времени», отмечает наличие в романе «вымышленного автора», который, по ее мнению, лишь «еще один двойник Печорина». Исследовательница, на наш взгляд, дает неудачную мотивировку причин, побудивших «вымышленного автора» опубликовать «Журнал» Печорина: «тот, кто "воспользовался случаем поставить свое имя под чужим произведением", надеялся, что "Журнал Печорина" принесет ему славу» [Моисеева 2004: 178]. Вслед за другими исследователями, Моисеева говорит о том, что повествование ведется от лица трех «рассказчиков». Как видим, используя общий термин «рассказчик», Моисеева не учитывает специфику отношения автора-творца к каждому из них, а значит, и их функции в романе. На наш взгляд, исследовательница освещает проблему образа автора в лермонтовском романе крайне поверхностно.

М.А. Алексеева в статье «Игровые стратегии героев в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"», выявляя особенности восприятия романа школьниками, приходит к выводу, что «юные читатели слишком прямолинейно и однозначно воспринимают слово в романе, полностью доверяя суждениям и оценкам рассказчиков и считая их выражением авторской позиции» [Алексеева 2010: 229]. Как и многие другие исследователи, пишущие о романе Лермонтова, Алексеева использует общее недифференцированное понятие «рассказчик». Исследовательница полагает, что понять смысл романа, а значит и авторскую позицию, воплощенную в нем, можно через уяснение «игровых стратегий» автора. По мнению Алексеевой, все персонажи романа, а значит, и «странствующий

офицер» – один из «рассказчиков», действуют по определенному сценарию. Читатели же романа, не улавливающие эти «игровые стратегии», «часто обнаруживают себя в плену установки на искренность, созданную одним из рассказчиков текста» [Там же: 248], не понимая подлинного смысла происходящих событий, истинных причин и мотивов поведения действующих лиц.

Мы считаем, что сведение позиции автора «Героя нашего времени» к созданию «игровых стратегий» обедняет наше понимание романа, искажает его не только психологический, но и глубокий философский смысл, заключенный в нем.

Важной в изучении заявленной проблемы для нас является статья С.И. Ермоленко «Семантика "пушкинского следа" в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени", или Зачем Печорин ездил в Персию?». Статья посвящена раскрытию смыслов, которые возникают в романе в связи с актуализацией памяти о пушкинском «Путешествии в Арзрум», что напрямую соотносится с образом автора-повествователя. Обратим внимание на то, что в работе Ермоленко точно указывается важная субъектная форма выражения авторской позиции – автор-повествователь как близкий, но не тождественный биографическому автору персонаж, «вмещенный» в тот же художественный мир, что и другие герои романа, то есть персонаж персонифицированный и сюжетно проявленный [Ермоленко 2007: 180].

Вспомним, что, по мнению Б.М. Эйхенбаума, «цель обращения Лермонтова к пушкинским "путевым запискам" – прежде всего общественно-гражданская». Такая точка зрения в отечественном литературоведении считается общепринятой [См. там же: 184]. Не отрицая важности «общественно-гражданской» цели обращения Лермонтова к пушкинскому тексту, С.И. Ермоленко задается вопросом: исчерпывается ли эта цель «одним только желанием Лермонтова отдать "дань памяти" Пушкина?». Исследовательница обращает внимание на один из эпизодов «Путешествия в Арзрум» – встреча Пушкина с «телом убитого Грибоедова», которое «препровождали в Тифлис» из Персии. Персия, по мнению Ермоленко, выступает

в романе как «знак беды, "катастрофы" и одновременно знак испытания... вырастающего до символа с его глубоким философским значением» [Там же: 195]. «"Катастрофа, среди которой погиб Грибоедов", "внушаемая" читателю (путем припоминания одного за другим эпизодов и деталей "Путешествия в Арзрум"), – пишет Ермоленко, – уходя глубоко в подтекст, задает тот "угол зрения", благодаря которому по-особому освещается судьба Печорина, задается масштаб его трагедии» [Там же: 196]. Так, благодаря соотнесению личности и судьбы Грибоедова с личностью и судьбой Печорина, возникает важный скрытый смысл романа, предостерегающий читателя от ложных и поспешных выводов. Актуализация семантики «пушкинского следа» была бы невозможна без фигуры автора-повествователя, который становится выразителем авторской позиции, правда, не во всем ее объеме и полноте. Последнее реализуется лишь всей структурой романа, всем его художественным целым.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных интересных наблюдений, даже открытий, проблема автора и форм выражения авторской позиции в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» еще далека от своего исчерпывающего разрешения. Очевидно также, что проблема выражения авторской позиции в художественном произведении по-прежнему актуальна в современном литературоведении. Мы полагаем, что анализ романа Лермонтова в заданном аспекте может способствовать уточнению, прояснению теоретических вопросов, далеких от своего окончательного решения.

Литература

Алексеева М.А. Игровые стратегии героев в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтовские чтения – III : Материалы Всероссийск. науч. конференции. 15–16 октября 2009 г./ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 227 – 253.

Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова. М. : Худож. лит., 1985.

Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л. : ГИХЛ, 1940..

Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л. : Наука, 1975.

Ермоленко С.И. Семантика «пушкинского следа» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», или Зачем Печорин ездил в Персию? // Русская классика : динамика художественных систем / Урал. гос. пед. ун-т ; ИФИОС «Словесник». Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 177 – 197.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М. : Изд-во АН СССР, 1962. (Сер. «Литературные памятники»)

М.Ю. Лермонтов : pro et contra /сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова ; вступ. ст. В.М. Марковича; коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб. : РХГИ, 2002.

Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. СПб. : Академ. проект, 1996. С. 5 – 47.

Маркович В.М. О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 291 – 302.

Мелихова Л.С. Стиль Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1981. С. 533 – 541.

Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова. М. : ГИХЛ, 1957.

Моисеева Л.П. Страницы истории русской литературы. Пушкин – Лермонтов – Гоголь : учеб. пособие. М. : РУДН, 2004.

Набоков В.В. Предисловие к «Герою нашего времени» [Электронный ресурс] URL: http://thelib.ru/books/nabokov_vladimir/predislovie_k_geroyu_nashego_vremeni-read.html (дата обращения: 18.09.2014).

Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» : кн. для читателя. М. : Просвещение, 1989.

Эйхенбаум Б.М. Лермонтов : опыт историко-литературной оценки. Л. : Гос. изд-во, 1924.

Эйхенбаум Б.М. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 125 – 162.